

Свергнутая с небес

Автор:

[Анна Данилова](#)

Свергнутая с небес

Анна Данилова

Детектив Юлия Земцова #13

Ах, как Наташа ненавидит эту фееричную женщину, чью нереальную красоту видела лишь на фотографии, присланной дядей Юлием! Теперь он найден мертвым, и рядом с ним – бокал с отравленным вином. А прекрасная мерзавка, прихватив ценности, исчезла. Может, погубив Юлия, она сбежала с любовником? Или же...дядя принял яд сам, не в силах вынести ее ухода? Объятая жаждой мести, племянница выкинула кучу денег на детективов из агентства Юлии Земцовой. И что же? Эти чудаки, вместо того чтобы расследовать дело по горячим следам и искать беглянку, взялись проверять алиби самой Наташи. Может быть, прославленные сыщики сошли с ума? Но, как оказалось позже, в этом был определенный смысл...

Анна Данилова

Свергнутая с небес

«Это все происходило на моих глазах... Он долго стоял на одном месте и, видимо, устал ждать. Я чувствовал, как с каждой минутой отчаяние этого человека росло, лицо его менялось при виде очередной, проходящей мимо него девушки, оно становилось все печальнее и печальнее. Другой бы на его месте

закурил, затянулся бы сладким спасительным дымом, но он не курил, не грыз ногти и не проделывал ничего такого отталкивающего, что мог бы делать, зная, что его никто не видит, что никто за ним не наблюдает. Было в его облике что-то безнадежно романтическое, угадывались душевная тонкость, выразительность порыва... Да, он постоянно порывался уйти, но прежде поглядывал на часы. Он часто поглядывал на часы и на простирающийся перед ним и уходящий вдаль золотой от осенних листьев бульвар, еще некоторое время тому назад обещавший ему чудесную по своей значимости картинку, фрагмент мелодраматического фильма, где в замедленном темпе навстречу мужчине бежит ослепительной красоты женщина...

...Он держал в руках зонт. Черный зонт-трость. Он ему явно мешал, мужчина часто нервно перебрасывал его из одной руки в другую и, как мне кажется, хотел бы от него избавиться, настолько он нелепо и неуместно смотрелся здесь и сейчас, потому что дождя не было. А над верхушками старых разросшихся тополей оранжево блестело солнце.

И вдруг мужчина замер. На узкой дорожке показалась она. Женщина. Совсем молодая. В джинсах и свитере. На голове красный маленький берет. Высокая, худенькая. Как же она улыбалась! И он, как мне показалось, чуть ли не застонал, бросившись ей навстречу. Она тоже побежала, придерживая на голове берет. Они летели друг к другу, тяжело дыша не столько от бега, сколько от счастья. Встретившись, они буквально слились воедино и замерли, чуть покачиваясь ставшим теперь их общим телом. И так стояли долго, очень долго, еще не веря в счастье этой, как я понял, долгожданной и невероятной встречи. Так страстно и восторженно встречаются люди, разлученные невообразимыми обстоятельствами, временем или расстоянием».

Глава 1

Василий Китаев, двоюродный брат Игоря Шубина, настолько гармонично вписался в коллектив агентства, что Крымов, поначалу воспринявший его просто как пригретого на теплом месте родственничка, стал относиться к нему так, словно знал его долгие годы и уже много лет дружил с ним. Китаев оказался интересной личностью. Крымов уважал уверенных в себе и сильных людей и удивлялся, как это при такой яркой внешности (Василий был обаятельным

блондином, с крепким красивым телом и порывистыми движениями) он спокойно относится к женскому полу. То, что он настоящий мужик и никакой не «голубой», Крымов понял еще летом, когда однажды утром, придя в агентство, застал там Китаева с двумя девушками... Но такие праздники Василий позволял себе редко, когда не было работы и у него появлялось свободное время. В остальном же он вел себя довольно скромно, много работал и уже очень скоро показал себя человеком грамотным, с аналитическим складом ума и владеющим удивительным даром интуиции. Так вот и случилось, что на смену ушедшей в декретный отпуск Татьяны Бескровной в детективном агентстве Земцовой появился не менее ценный работник Василий Китаев. С его приходом в агентстве произошли определенные преобразования: в помещении офиса был сделан небольшой ремонт, в результате которого один из пустующих кабинетов переоборудовали в небольшую, но очень удобную кухню, где Василий, прирожденный повар, готовил еду для своих новых друзей. В отличие от Крымова и Шубина он не курил, и все то время, что его коллеги проводили, размышляя, за курением, Василий стоял за плитой.

В тот осенний промозглый день, когда Шубин с Крымовым спали, запершись, в своих кабинетах, а Василий готовил на кухне мясной рулет, в агентстве раздался звонок. Василий, убавив огонь в духовке, пошел открывать. На пороге стояла девушка в черном пальто, мокрая, с порозовевшим от холода лицом и пахнувшая осенними листьями.

- Это агентство Земцовой? - спросила она, стуча зубами.

- Вы что, пешком пришли?

- На такси приехала...

- Там наверняка теплый салон...

- Это нервы, - развела она руками. - Вы - Крымов?

- Нет, моя фамилия Китаев, но я не хуже Крымова, поверьте. Проходите, у нас вы согреетесь... У вас что-то стряслось? - Он уже за руку вел ее в приемную. Девушка послушно следовала за ним. Рука у нее была ледяной. Он помог ей раздеться. Она осталась в вязаном черном платье, облегавшем ее тонкое стройное тело.

– Да, у меня беда... Вообще-то я из Питера прилетела. Моего дядю отравили. В прокуратуре все считают, что он покончил жизнь самоубийством, но это не так. Мой дядя никогда бы не ушел из жизни сам. Я очень хорошо его знала... Но как я жалею о том, что редко звонила ему, только писала... Да и что такое электронные письма по сравнению с телефонным разговором, когда слышишь голос человека, по которому скучаешь и которого любишь...

В приемной было очень тихо. И Василий, чтобы не разбудить крепко спящих Крымова и Шубина, сел за стол и, нажав незаметно для посетительницы кнопку под столешницей (включил микрофон мощного диктофона), попросил ее назвать свое имя.

– Наташа. Меня зовут Наташа. Вернее, Наталья Ефимовна Маркова. Убили моего дядю, родного брата моего отца, Юлия Маркова. Отравили у него в квартире. Я предполагаю, что это сделала его жена, точнее, сожительница по имени Лариса.

– Откуда вам стало известно о смерти вашего родственника?

– Мне позвонили из милиции. Видимо, нашли мой телефон в его записной книжке. Я как-то видела эту записную книжку, и мое имя было написано на листке, помеченном буквой М. Обычное дело. Он Марков, я – тоже Маркова. Мой отец умер семь лет назад, моя мама вышла замуж и сейчас живет за границей под другой фамилией. Тем, кто шарил в доме моего дяди после его смерти, было легко найти в записной книжке единственного человека, носящего фамилию убитого, то есть меня.

– Вы так выразились: «шарил»...

– В квартире все перевернуто вверх дном... Я так и не поняла, это дело рук убийцы или работников правоохранительных органов. Знаете, столько негативного показывают про них по телевизору, столько всякой мерзости пишут, что поневоле будешь воспринимать их... Думаю, вы меня поняли...

Девушке было на вид чуть больше двадцати. Китаев любопытства ради поинтересовался возрастом посетительницы.

– Я просто выгляжу так молодо, на самом деле мне тридцать один год. Знаете, у меня очень спокойная работа, я вышиваю на дому...

– Какая необычная в наше время профессия.

– На самом деле у меня много профессий, я филолог и музыкант, педагог, знаю несколько языков, но занимаюсь вышивкой, потому что за это хорошо платят.

– И что же вы вышиваете? Кто ваши клиенты?

– Самые разные. Я вышиваю постельное белье, нижнее... Ручная работа очень дорого стоит. У меня есть клиентки за границей, моя мама помогает мне в этом... Но разве это имеет какое-нибудь отношение к тому, что произошло с моим дядей?

– Когда с вашим дядей случилось это несчастье?

– В прокуратуре мне сказали, что он умер около девяти вечера 23 октября, то есть позавчера...

– А вы, Наталья Ефимовна...

– Можно просто Наташа.

– А вы, Наташа, где были 23 октября около девяти часов вечера?

– Понятное дело, где, в Питере! С девятнадцати часов до двадцати двух я была на дне рождения у своей подруги Кати Мещеряковой, и у меня есть свидетели... много свидетелей.

– У вашего дяди были деньги, квартира, имущество, которое он мог бы завещать?..

– Моему дяде было сорок пять лет, он никогда не был официально женат, но последние года два жил с женщиной, как я уже сказала, Ларисой... Так вот, я думаю, что, если у него что и было, помимо его трехкомнатной квартиры, доставшейся ему еще от отца, то есть от моего деда, то он мог завещать это

либо мне, либо той женщине, с которой жил... Но я пришла к вам не из-за наследства, дядя не был миллионером, он последние десять лет работал в музыкальном магазине... Я бы хотела узнать, кто и за что убил его.

- Ваше желание будет стоить вам денег.

- У меня есть деньги. И это лишь подтвердит мои слова - мне ничего не надо было от дяди в материальном плане... Я его любила, как единственного человека, очень мне напоминавшего моего отца. Они были удивительно похожи. Разница в возрасте у них шесть лет, но все равно, они были очень похожи.

- Вы говорите, что ваш дядя был отравлен? Хотя по официальной версии он покончил с собой?

- Да, его нашли мертвым на полу в гостиной. Рядом на ковре лежал стакан с остатками красного вина, в котором был обнаружен сильный яд. Стакан даже не разбился...

- Ваш дядя пил?

- Нет, что вы! Он был очень порядочным, скромным, непьющим человеком. Хотя иногда и мог выпить бокал вина, как и все нормальные люди. Но не злоупотреблял, можете спросить у кого угодно...

- А что говорит о нем его жена, вернее та женщина, которую вы считаете его женой?

- Ее нет. Она исчезла. Прихватила все дорогие вещи, шубу норковую, палантин, еще кое-что... и исчезла. Собственно, я пришла, чтобы вы доказали, что моего дядю убила именно она. Больше никому. Думаю, дядя оставил завещание на ее имя, и она, чтобы не дожидаться его смерти...

- Разве он был стар?

- Нет, говорю же, ему было сорок пять лет. Ну, понимаете, как-то все странно... Его отравили, ограбили, в квартире все вверх дном, а она исчезла...

- Вы думаете, что она так глупа, чтобы, убив вашего дядю, сделать все возможное, чтобы навлечь на себя подозрение?

- Она, напротив, очень умна, раз так сделала... Чтобы на нее не подумали...

- Но зачем же ей тогда было исчезать?

- Не знаю... - Наталья вдруг замолчала. Она сидела с задумчивым видом перед Василием и чертила пальцем по столу круги. У нее был вид человека, уставшего говорить или даже потерявшего интерес к тому, что происходило вокруг. Глаза ее уставились в одну точку. Она тяжело вздохнула.

- Хотите кофе? - спросил Василий.

- Хочу. Знаете, я вообще-то ничего не понимаю во всей этой истории. Я нахожусь еще под впечатлением того, что увидела в морге. Зашла не в то помещение, где находилось тело моего дяди, а в комнату, где лежало много трупов... мужских, женских... Мне там стало плохо. Еще бы немного, и я бы пополнила список умерших и попавших в этот морг сегодня, двадцать пятого октября... Жуткая история... Понимаете...

Она встала и пошла следом за Василием в кухню, села в маленькое кресло, стоящее в самом углу, и машинально взяла со стола ломтик ржаного хлеба, оставшийся там еще с завтрака.

- ...Понимаете, там, в Питере, я так хорошо жила последние годы, после того, как разошлась с мужем. Он оказался негодяем, изменял мне и не давал денег... Так вот, я разошлась с ним и вздохнула с облегчением. Стала сама зарабатывать себе на жизнь, успокоилась, даже поправилась на три килограмма... - Она выпрямилась в кресле, такая тоненькая, стройная, и похлопала себя по плоскому животу, словно демонстрируя, как она растолстела. - Сажу себе целыми днями и вышиваю, смотрю телевизор, слушаю музыку, изредка отвечаю на телефонные звонки подружек... Знаете, меня такая жизнь устраивает... Так вот, у меня было все хорошо и, главное, спокойно. Деньги я тратила в основном на поездки, то в Турцию поеду, то в Испанию... Конечно, - она доела хлеб и отряхнула крошки, - скучновато одной ездить, но это лучше, чем сидеть вечерами на кухне и вздрагивать от каждого звука, ожидая возвращения мужа. Я боялась его, вот так... Одним словом, я в последнее время жила спокойно. И тут - на тебе! Дядю

убили. Я сразу поняла, что это убийство, еще когда только услышала про яд. Нет, дядя на это не способен. Но вот кому понадобилось убивать такого тихого и скромного человека – ума не приложу. Я приехала сюда не только для того, чтобы похоронить его и привести в порядок все документы, связанные с наследством, то есть принять наследство, но и узнать, кто же убил его... Убийца должен быть наказан. Она должна сидеть в тюрьме.

– Вы снова про его жену?

– Больше никому. Так вы возьметесь за это дело?

– Пять тысяч евро, – не моргнув глазом назвал свою цену Китаев, уверенный в том, что посетительница, услышав эту сумму, развернется и тотчас укатит к себе в Питер.

– Три, – невозмутимо принялась она торговаться. – Пять – это слишком, да вы и сами это знаете. Тысячу сейчас, остальные две тысячи я дам вам, когда вы назовете имя убийцы... По рукам?

– По рукам.

Василий снял с огня турку и разлил кофе по чашкам.

– Вам с сахаром?

– Да. И с сахаром, и с молоком. И с хлебом, что-то я проголодалась...

– Тогда, может, подождете, когда будет готов мясной рулет? Минут пятнадцать еще...

– Вы что, повар? Это я распиналась перед поваром? – Она вдруг расхохоталась. – Вот умора!

– Нет, я не повар, я работаю с Крымовым. Просто люблю готовить. Вам бы крупно повезло, если бы я был вашим мужем...

– Ну уж нет, замуж я не собираюсь... Да и вы просто так сказали... – Она покраснела. – А знаете, я согрелась... И пахнет здесь так вкусно вашим рулетом... Везет же Крымову...

– А откуда вы знаете про Крымова?

– Мне в Питере дали ваши координаты, одна его хорошая знакомая... Сказали, что мне лучше всего обратиться к нему или Земцовой. Но я несколько не жалею, что поговорила с вами, тем более что вы все равно записали весь наш разговор... Я же видела, как вы включали что-то под столом. Я внимательная. – Она улыбалась.

Василий, несколько не смущенный ее словами, вышел из кухни и заглянул в кабинет, где спал Крымов.

– Подъем! – громко шепнул он, боясь, что его услышит не в меру внимательная посетительница. – Вставай... И буди Шубина. Дело есть на три тысячи евро. Да и обедать пора.

Крымов повернулся к Василию и, не открывая глаз, блаженно улыбнулся.

– Хорошо пахнет, Василий... Ты бы принес сюда поесть...

– Там девушка... прилетела из Питера. Красотка, между прочим. Сидит на кухне и ест черный хлеб. Тебя спрашивает. Что ей сказать, что ты спишь?

Крымов нехотя поднялся, одернул джинсы, свитер.

– А что там у нее случилось?

– Дядю отравили.

Они общались по Интернету в он-лайне – Крымов и Земцова. Это было как наркотик, как свежий воздух, без которого он задышался в скучном и тесном Саратове, а она переживала не самые веселые дни своей жизни в Париже. Крымов предложил ей установить видеокамеры, чтобы они могли видеть друг друга, но она отказалась. Не захотела, чтобы Крымов видел ее возле компьютера в кабинете, куда она приходила, как правило, ночью, в пижаме, уже после того, как они с Патриком (так звали ее последнего мужа) либо скажут друг другу «спокойной ночи» и разойдутся по своим спальням, либо проведут вместе супружеские полчаса. Ей казалось, что Крымов увидит всю ее парижскую жизнь, отраженную в ее глазах, отпечатанную на ее губах и теле... Да, у нее, помимо Патрика, был любовник, молодой парень двадцати пяти лет, его звали Мажимель, но она не считала их отношения серьезными, несмотря на то что они встречались довольно часто, примерно три раза в неделю. Однако именно после свидания с Мажимелем она испытывала угрызения совести перед Крымовым, и в те часы их интернетовского общения, когда он расспрашивал ее о том, как она провела день, Земцова лгала ему, сочиняя на ходу, где и как проводила время, или же преподносила своему бывшему мужу гладкую и красивую, заранее придуманную сказочку о проведенных ею в полном одиночестве часах... До рези в глазах она вчитывалась в бегущие на экране буквы – так Крымов пытался войти в ее замкнутую, запаянную со всех сторон жизнь с Патриком и Мажимелем, так хотел просочиться в ее душу и завладеть ее телом. Но если то, что называется душой, и трепетало при появлении на экране новых слов, признаний в любви, тщетных, хотя и трогательных попыток вернуться в ее мир, то тело ее становилось все более равнодушным. Крымов постепенно перестал волновать ее как мужчина. Обнаружив это, она испытала странного рода облегчение и жила теперь с этой тайной своего освобождения от него, еще не веря в свое счастье. Ведь это означало, что теперь она не станет испытывать боли при мысли, что Крымов снова изменяет ей, что он в постели с другой женщиной, что у него есть, помимо нее, своя мужская и очень автономная жизнь. Вот и отлично, думала она, выключая компьютер и пробираясь тихо в свою спальню, где ее ожидала широкая кровать без Патрика, ночная лампа и книга в изголовье... Маша жила у бабушки в Москве, и это давало Юле еще большую свободу, еще большую возможность пожить в свое удовольствие. Иногда, уже перед самым сном, она обнаруживала телефонное послание Мажимеля – он желал ей спокойной ночи и назначал новую встречу. И это было чудесно. Так, в плавном и приятном круговороте среди трех своих мужчин, таких разных, но одновременно таких родных и по-своему любимых ею, она сразу не заметила появления еще одного мужчины...

...Возле компьютера стояла ваза с нарциссами. Покрасневшими от переутомления глазами она смотрела на экран – Крымов писал о том, что собирается в Париж, что ему надоело общаться с ней при помощи знаков, что его стали раздражать эти он-лайнковские посиделки, что он хочет встретиться с Патриком и все объяснить ему...

«Ты ничего не должен ему объяснять. Я сама поговорю с ним, но я еще не готова...»

«Выпей коньячку для храбрости и скажи ему, что любишь меня, что тебе надоело притворяться и делать вид, что ты любишь его, ведь это неправда?»

«Я люблю его по-своему. Патрик – прекрасный муж, он очень заботливый...»

«Прекрати играть словами! Ты вот уже который год обманываешь себя, ложаешься с ним в постель...»

«Крымов, тебе ли говорить о постели? Вспомни только...»

«Нечего и вспоминать. Я всегда любил только тебя...»

«Все. Хватит. Я устала».

«От чего это ты так устала? Где ты была сегодня целый день? С Патриком?»

«Нет, я была на море... одна...»

Она закрыла глаза и вспомнила Мажимеля, его красивую голову, склонившуюся на ее грудь, его голос... У нее сердце замирало, когда он целовал ее сухими горячими губами. Смуглый, худой, с выгоревшими волосами, в светлых шортах и голубой рубашке, он ждал ее в баре на пляже. Они провели на море не больше часа, потом отправились в гостиницу, где Мажимель снял для них номер. Часто в его объятиях она вспоминала Крымова, и ей казалось, что она понимает желание бывшего мужа не принадлежать никому и одновременно отдавать себя всем, кого любит. Она по-мужски хладнокровно говорила о своей любви и любовнику, и мужу, и даже лгала ставшему виртуальным Крымову, и ей нравилась эта игра,

это бесконечное путешествие по постелям... Расслабленная, немного огрубевшая от частых мужских ласк и пресытившаяся ими, она все чаще и чаще искала спасения в долгих ночных беседах с Крымовым. Пусть он упрекал ее браком с Патриком, грозясь приехать и забрать ее, пусть он лгал ей и себе, уверяя, что они любят друг друга, но он не мог физически прикоснуться к ней, не мог поцеловать ее и без того горячие, еще не остывшие от поцелуев других мужчин губы – их общение оставалось хотя бы в этом плане целомудренным. Но больше всего ей нравилось, когда он рассказывал ей о том, чем они сейчас там, в Саратове, с Шубиным и Китаевым занимаются. Когда дело было особенно интересным, то к разговору зачастую присоединялся Шубин.

«Привет, это Игорь. Как дела? Ты еще не спишь? Представляешь, сегодня к нам девушка пришла. У нее вроде дядю убили. Мой брат, Василий, принял ее, расспросил, а мы с Крымовым в это время спали...»

«Дяде сорок пять лет, работал продавцом в музыкальном магазине. Скромный, симпатичный мужчина, она оставила его фото...»

«Как его убили?»

«Отравили!»

«Чем?»

«Рицином, как говорит Чайкин. Он передает тебе привет».

«Как Таня Бескровная?»

«Кормит грудью. Минкин счастливый, прямо весь светится...»

«Слушай, Земцова, может, ты мне еще одного ребенка родишь?»

«У меня другие планы».

«Они связаны с Патриком?»

«Ребята, вы отвлеклись от темы. Дядю отравили ядом. Где, спрашивается, убийца его достал?»

«А это не самоубийство?»

«Юля, когда мы занимались суицидными делами?»

«Что говорит племянница? Кто она?»

«Приехала из Питера. Вышивальщица. Судя по всему, хорошая вышивальщица. Но в момент смерти дяди не вышивала. Пила водку на дне рождения подружки. У нее вроде бы есть алиби. Но в Питер, понятное дело, никто не ездил».

«Что Корнилов?»

«Говорит, что они поторопились сделать вывод о самоубийстве, что это действительно похоже на убийство. Но мы так толком и не поняли, что он этим хотел сказать. Думается мне, не сегодня завтра они заведут уголовное дело, и тогда мы снова будем работать на прокуратуру».

«Какая разница, на кого работать, если вы ищете убийцу и вам за это платят?»

«Ты к нам не собираешься?»

«Пока нет. Расскажите подробнее о дяде. Как его зовут?»

«Юлий. По фотографии – красивый, интеллигентного вида мужчина. С бородкой. Наташа, его племянница, говорит, что, когда она приехала, в доме было все вверх дном. Она утверждает, что это милиция...»

«Почему?»

«Потому что там, в Питере, был такой случай...»

«Это не факт. Несерьезно. А с кем он жил?»

«С женщиной по имени Лариса. Она исчезла, ее нигде нет».

«Она исчезла вместе с вещами?»

«По словам племянницы, часть вещей пропала, в том числе и дорогая шуба, видимо, какие-то украшения, потому что в квартире не нашли ни золота, ни серебра...»

«Получается, что этого Юлия убили и ограбили. Убить могли по неизвестной нам причине, а ограбили, чтобы скрыть мотив преступления. Или же убийство произошло с целью грабежа. Но если предположить самое худшее, что этого человека убила его же собственная жена, то она сделала это грубо, словно нарочно, чтобы навлечь на себя подозрение... Или же кто-то подставил ее».

«Вообще-то она была его сожительница. Они не были в браке», – заметил Шубин..

«Это не имеет значения. Они жили вместе», – ответила она.

«Послушай, милая, тебе что, совсем спать не хочется, ты так подробно расспрашиваешь нас об этом совершенно неинтересном, на мой взгляд, деле?» – спросил Крымов.

«Сейчас это единственное, что меня интересует, честное слово. Такая скука, ты не представляешь себе...»

«Ладно, ребята, я исчезаю... Ты молчишь, ничего не отвечаешь, значит, вам есть что сказать друг другу...» – Шубин обиделся и ушел.

«Игорь, ты куда пропал? Я же пересылала тебе все наши разговоры... Тебе неинтересно?»

«Я пошел спать. Устал очень. Как-нибудь в другой раз мы, Юля, поговорим с тобой без свидетелей. Я хотя бы выскажу тебе свое мнение по этому делу. Крымову кажется, что оно неинтересное, а я чувствую, что это убийство непростое. И что нам с ним придется повозиться. Да и сам факт того, что в раскрытии этого преступления заинтересована племянница, тоже меня

настораживает. Ведь это же очень большие деньги – три тысячи евро. А она простая вышивальщица».

«Значит, не такая уж и простая... К тому же она может вышивать для церквей и монастырей... Понимаешь?»

«Думаешь, она вышивает золотом?»

«Может, и так, но все равно не признается. Скажет, что вышивает крестиком ночные сорочки для миллионерш».

«Ну так я пошел спать?»

«Куда ты пропала, Земцова?»

«Игорь, спокойной ночи».

«Крымов, Игорь отправился спать. Может, и нам разбежаться?»

«Да мы уже и так разбежались друг от друга – дальше некуда. Так ты будешь говорить с Патриком?»

«Спокойной ночи».

Она отключила компьютер и какое-то время еще сидела за письменным столом, не зная, что предпринять – пойти ли спать, посмотреть ли телевизор или позвонить Мажимелю. Он не звонил ей уже часов шесть. Это на него не похоже. Но, если он не звонит, значит, не хочет или не может. Такого еще не было, чтобы он не хотел ей позвонить, услышать ее голос, увидеть ее... Он был страстно влюблен в нее и находился в том пьянящем состоянии, в котором находятся молодые любовники в самом начале романа. Когда от поцелуев немеют губы, а после страстных объятий саднит истертая до сукровицы плоть...

Она вышла из кабинета, выключив лампу, и в полной темноте двинулась в сторону спальни Патрика. Остановившись перед дверью, она чуть приоткрыла ее и услышала спокойное дыхание мужа. Он крепко спал. Спал сном уставшего за день человека. Спал сном праведника в отличие от нее. Ей вдруг захотелось

войти в спальню, зажечь везде свет, растолкать его, расшевелить и заставить выслушать себя. Она скажет ему, что он слепец, что он ничего не видит вокруг, не чувствует, что она параллельно с ним живет еще с двумя мужчинами, с одним встречается почти у него под носом, проводит с ним время в гостинице на берегу моря, с другим ведет активную переписку... Сколько раз ее воображение рисовало эту сцену! Она даже видела спокойное и любящее лицо Патрика в тот момент, когда она открывается ему... А что, если он не слепец и все чувствует и видит? А что он может сделать? Он ждет, когда она сама сделает свой выбор? Но, если даже предположить невозможное, что он знает о ее связи с Мажимелем, тогда почему же он ничего не предпринимает, почему не выгоняет ее вон из своего дома, почему не хлещет ее по щекам, называя самыми последними словами? Что это – любовь или же страх потерять ее? Или он ждет, когда она сама выдаст себя с головой...

Она быстрым шагом направилась в свою спальню, открыла шкаф, достала одежду, оделась и, даже не позвонив Мажимелю, не предупредив его о своем приезде, вышла из дома, завела машину и, открыв ворота, поехала к нему.

Он снимал квартиру в квартале Маре, представляющую собой небольшую, но очень уютную студию всего в нескольких кварталах от особняка своих родителей. Юля бывала там крайне редко, ей нравилось встречаться с Мажимелем подальше от города, поближе к морю, поэтому часть отведенного им на свидание времени они проводили в машине. Сейчас же она ехала к нему, находясь в том возбужденном состоянии, которое сложно объяснить, но которому подвержены все страстные натуры, привыкшие немедленно удовлетворять свои желания во что бы то ни стало... Хотя уже в машине, вдыхая свежий осенний воздух, врывающийся в открытое окно и будоражащий, освежающий ее, она вдруг поняла, что ей важна была не столько встреча с любовником, сколько сама поездка, неожиданная, ночная, странная, волнующая своей непредсказуемостью...

Улицы Парижа были пустынные, хотя и ярко освещены. Редко можно было увидеть заблудившихся в густом переплетении улиц одиноких мужчин и женщин, бредущих вдоль темных домов от одной вывески ночного бара к другой...

Машина плавно скользила по гладким, как черные блестящие атласные ленты, дорогам навстречу ярким, отчего-то казавшимся праздничными площадям и перекресткам, подсвеченным соборам и дворцам, и было удивительно, что Юля

успевала вовремя свернуть на нужную улицу, в нужный переулок.

Наконец она остановилась на узкой улице, припарковала машину рядом с увитой диким виноградом калиткой, за которой оранжево светился небольшой дворик с расположенным в глубине его двухэтажным домом. Она знала, как открывается калитка, поэтому беспрепятственно открыла ее и ступила на выложенную плиткой дорожку, ведущую к дому. Двинулась, дрожа всем телом, вперед. Пожалела, что не набросила куртку, потому что, несмотря на кажущееся тепло, в воздухе было все же по-осеннему свежо. Она подошла к светящемуся окну студии, немного удивившись, что Мажимель еще не спит, а оказавшись совсем рядом, приникла к довольно широкой щели между красновато-желтыми узорчатыми шторами, которыми было небрежно задернуто окно. И тут же почувствовала, как лицо ее вспыхнуло, как если бы это не она застала кого-то за тайным любовным занятием, а ее застигли врасплох, ворвались в ее интимную жизнь...

Мажимель стоял лицом к окну, опершись на стол, тот самый стол, за которым они с Юлей иногда завтракали или ужинали, утомленные любовью или долгой поездкой на машине, а сзади его обнимал совершенно обнаженный, как и ее любовник, юноша, почти мальчик, лица которого она не успела рассмотреть...

Ей вдруг захотелось хохотать. Громко, на весь квартал, на весь Париж. Ей хотелось, чтобы он услышал ее, чтобы вырвался из цепких, животных объятий своего юного дружка, чтобы покраснел так же, как покраснела она, а она чувствовала, что покраснела... Но она лишь зажала рот ладонью и стала ждать, когда из глаз покатятся слезы. Но они не катились. Юля стояла, уже отвернувшись от предательского окна. Она уже никогда не сможет поехать с Мажимелем на море. Она никогда не почувствует на своих губах соленый привкус его губ. Он умер для нее навсегда.

Стало еще холоднее, свежее, и как будто поднялся ветер. Не было сил двигаться. Она стояла долго, минут десять, которые превратились для нее в целую ночь. Холодный воздух остужал ее, успокаивал, прояснял затуманенные изменой мозги. Что поделать, раз Мажимель оказался таким ненасытным, таким открытым для любви...

Спотыкаясь, она все же добрела до машины, забралась в нее и, обняв себя, зажмурилась. Ей не хотелось видеть ни эту улицу, ни этот оранжевый двор, ни эту калитку с порозовевшим от холода слегка подсохшим виноградом...

Она не помнила, как возвращалась по тем же улицам домой. На этот раз окно было закрыто, а в салоне – жарко натоплено. Она наслаждалась теплом, тишиной и возможностью обо всем подумать. Но мысли были только о Патрике. Сказать, что она мучилась угрызениями совести – значит, ничего не сказать. Слишком пошлая, гнусная история. Она изменяла Патрику с Мажимелем, который, в свою очередь, изменял ей с тем парнем, которого она видела в щели между узорчатыми красно-желтыми шторами...

Дома было по-прежнему тихо и спокойно. Она включила свет на кухне, сварила себе кофе и выпила, обжигая рот, горло... Затем вымыла чашку и поднялась к себе. Но, проходя мимо спальни Патрика, услышала голос. Как если бы он, Патрик, разговаривал с кем-то по телефону.

Она остановилась, прислушалась.

«...Нет, это невозможно... Особенно сейчас, когда она так уверена во мне... Габриэль, прошу тебя, успокойся и не плачь... Возьми себя в руки...»

Габриэль. Так звали двоюродную сестру Патрика, его кузину, живущую в Ницце. Юля виделась с ней на дне рождения Патрика. Очень красивая брюнетка двадцати семи лет, разведенная. Она ушла от мужа, когда узнала, что у него есть другая женщина, даже семья, где растет сын трех лет по имени Франсуа. Патрик еще сказал тогда, когда его кузина переживала депрессию после развода, что его дом всегда открыт для нее, что она может поселиться и жить здесь, сколько ей захочется...

«Габи, не дури... Тебе не стоит приезжать. Сейчас ночь. Подожди до утра, а утром приедешь, и мы с тобой все обсудим... Да, я очень люблю тебя... Нет, она ничего не знает, да и как она может узнать, когда я сказал ей, что ты моя кузина? Очень тебя прошу, не осложняй ни свою, ни мою жизнь... Юлия очень хорошо к тебе относится, правда... Я знаю, что ты устала, но потерпи еще немного... Нет, она пока никуда не собирается, во всяком случае, я ничего не слышал... В Москву? Нет... Мы планировали отправиться туда к Новому году. Ты же все знаешь... прошу тебя, успокойся... Я уверен, что он скоро приедет. Он – решительный человек и не станет ждать. Они переписываются по Интернету, она проводит за компьютером по шесть часов... Пусть договорятся, вот тогда ты и переедешь ко мне... Ну откуда мне знать, сколько им для этого потребуется времени?..»

Юля сползла по стене вниз, едва удержалась, чтобы не упасть: ноги совсем не держали ее. Ее надежный Патрик и его кузина – любовники. К тому же никакая она не кузина, она была его любовницей. Юля уже не чувствовала своего тела. Даже кончики пальцев онемели. На лице появилась слабая улыбка.

До своей спальни она буквально доползла. Схватилась за телефон и набрала домашний номер Крымова.

«Ну же, бери скорее трубку... Ну же... Просыпайся!!!» Долгие гудки сменились потрескиванием, после чего она услышала такой родной голос. Сонный, далекий, но от звука которого она вся покрылась мурашками. Ее всю колотило от сознания того, что за какой-нибудь час она потеряла сразу двух своих мужчин, что теперь находится в чужой стране, в чужом городе, в чужом доме, в чужой спальне, на чужой кровати, чужих простынях и держит чужой телефон... И только голос Крымова – родной, близкий, теплый, ласковый...

– Женя? Я разбудила тебя?

– Кто это... Тома, это ты? Не дыши в трубку, я знаю, что это ты... Тебе снова не спится?

– Крымов...

– Подожди, – он вздохнул и, по-видимому, открыл глаза, медленно просыпаясь, – ласточка моя, цветочек ты мой ночной, ну хочешь, вызови такси и приезжай ко мне... Ты едешь?

– Крымов, это Земцова. Поцелуй от меня свой ночной цветок...

Она швырнула трубку, прилегла на кровать и вытянула ноги. Было так холодно, что ей показалось, будто наступила зима и за окном идет снег...

Шубин находился в квартире подруги Натальи Марковой – Екатерины Мещеряковой, в Петербурге, куда отправился, чтобы проверить алиби своей клиентки. Катя, как позволила себя называть некрасивая, с блеклой кожей и такими же белесыми, тусклыми волосами, молодая женщина, одетая в розовый халат и шлепанцы, варила Шубину уже вторую порцию кофе. На столе стояла кастрюлька с горячим молоком, сахарница и тарелка с бутербродами с сыром.

– Значит, говорите, что у вас день рождения в августе, и что двадцать третьего октября вы ничего не справляли, и в тот день вы не видели вашу подругу Наталью Маркову?

– Игорь, вы спрашиваете меня об этом уже второй раз. Говорю же, в тот день я ничего не отмечала и никого к себе не приглашала. И Наташу не видела. Кто вам дал мой адрес?

– Как кто... Никто. Это, так сказать, оперативные данные.

– Вы же не из милиции, насколько я поняла. Вам кофе с молоком? Ах, да, вы же сказали, что пьете черный кофе... Знаете, сегодня такой тяжелый день, с самого утра идет дождь, холодно, мне приходится включать электрическую печку. В квартире прохладно, неуютно, словом, тоска...

– Но Наташу-то Маркову вы знаете?

– Это вышивальщицу? Знаю. Она заходит ко мне иногда, поговорить о том о сем...

Шубин пил кофе, рассматривал фиалки на подоконнике этой старой и запущенной петербургской квартиры и спрашивал себя, зачем понадобилось Наташе придумывать себе такое нелепое алиби. Или Наташа лжет, что провела вечер двадцать третьего октября у этой страхолюдины, отмечая ее день рождения, либо эта Мещерякова нарочно подставляет Наташу, отрицая тот факт, что Маркова была у нее в день убийства ее дяди. Или же, что маловероятно, Мещерякова просто забыла, как провела двадцать третье октября, кто у нее был и что она отмечала... У нее, может, склероз, вон никак не запомнит, что он пьет кофе без молока, либо она была сильно пьяна в тот вечер и просто ничего не помнит.

- Вы не могли бы рассказать, при каких обстоятельствах вы познакомились с Наташей Марковой? В каком году?

- Нас познакомила Оля Зорина. Это было, кажется, в двухтысячном году. Оля – хороший человек, очень добрая, она пришла как-то зимой и привела с собой Наташу. У Натальи был нервный срыв. Она постоянно плакала. Выяснилось, что ее бросил мужчина. Оля попросила меня, чтобы я разрешила Наташе пожить немного у меня. Я разрешила. Так мы и познакомились.

- И сколько она у вас тогда прожила?

- Около двух недель. У меня появилось свободное время, я собиралась в Финляндию, к брату, но так и не нашла денег... Знаете, я верю в то, что каждый наш шаг предопределен свыше... В квартире у меня поселилось очень несчастное существо, Наташа, она так нуждалась в моей помощи...

- Но почему Оля привела ее именно к вам? Разве она сама не могла ей помочь, предоставить свою квартиру?..

- У Оли двое маленьких детей, да и муж с тяжелым характером...

- Понятно. И что же было дальше?

Шубину показалось, что он своими вопросами довольно грубо влезает в жизни совершенно незнакомых ему женщин, не имея на это никаких моральных прав. Действительно, какое отношение могут иметь события пятилетней давности к причине, ради которой он оказался в Питере? Наташу бросил какой-то мужчина, у нее была депрессия, подруги решили ей помочь... Еще подумалось о том, что, не будь Катя Мещерякова такой вот неприбранной и выглядевшей несколько ущербной из-за своей непривлекательности женщиной, история с Наташей не казалась бы такой уж сумрачной. От этой женщины потягивало запахом лекарств и затхлостью, отчаянием. Он даже попытался представить себе, в каком же состоянии должна была находиться красавица Наташа, чтобы искать помощи у несчастной Кати? Как же дальше сложились их отношения? Обычно люди стараются как можно скорее забыть всех тех, кто был свидетелем их слабости и душевного нездоровья. Возможно, оправившись от предательства мужчины и собравшись с силами, Наташа ушла от Кати или даже бросила ее, уже начавшую привыкать к ней и нашедшую в ней близкого человека. Покинула

эту пропитанную запахами отчаяния и беды квартиру и ее угрюмую хозяйку, по пути стряхивая с себя пыль одиночества и безнадежности... И это вместо благодарности...

- Вам плохо? Что-то вы побледнели, - услышал он и очнулся. Ему действительно было как-то нехорошо, словно не хватало воздуха.

- Вы сказали, что Наташа провела у вас две недели. Вы помогли ей?

- Думаю, что да, потому что после этого она вернулась к нормальной жизни, к работе... У нее появилось много новых заказов, а это деньги. Но тот мужчина, если вас это интересует, больше к ней не приходил и не звонил.

- А что это был за мужчина? Вы знаете его имя?

- Знаю, но вам не скажу. Если Наташа захочет, она сама вам все расскажет. Да только эта история не имеет никакого отношения к смерти ее дяди. Просто вы спросили, при каких обстоятельствах и когда я познакомилась с Наташей, вот я вам и рассказала.

- Ведь вы обиделись на Наташу, потому что она, поправившись, ушла от вас, бросила... Вам было хорошо с ней потому, что тогда вы чувствовали себя сильнее ее... Она рассказывала вам о своем несчастье, о своем мужчине, который бросил ее, и вы жили этими откровенными рассказами, этой бедой, примеривая на себя Наташины проблемы и ощущая себя на ее фоне счастливой и спокойной.

Она подняла голову и посмотрела на него с презрением. Зрачки ее серых, невыразительных глаз расширились, порозовевшие ноздри затрепетали, чувствовалось, что она разозлилась не на шутку.

- Что вы себе позволяете?

- Поверьте, мне нетрудно узнать, когда у вас день рождения и собирали ли вы двадцать третьего октября в своем доме подруг. И что тогда? Если не вы, то другие подтвердят, что Наташа была у вас. Зачем вы лжете?

- Ну, хорошо. У меня действительно были подруги. Но только это был не день рождения. Мы хотели познакомить двух одиноких людей, вот и придумали этот день рождения. Пришли только самые близкие люди, мои подруги...

- Среди них была Наташа?

- Нет, говорю же вам, ее не было! Но она позвонила мне и попросила подтвердить, что она была. Я тогда еще не знала, что у нее умер дядя. Не знала, что ей потребуется алиби. Думала, что это нужно для ее парня, с которым она встречается. Мало ли что?.. Но теперь, когда вы рассказали мне о том, что этого дядю убили... Я не могу отвечать за других людей. Я могу отвечать лишь за себя. Нет, Наташа не приходила ко мне, но все остальные, кто у меня находился в тот день, возможно, скажут, что Наташа тоже была. Уверена, что она им позвонила.

- Почему вы так легко сдали мне ее? Предали?

- Понимаете, когда речь идет о том, чтобы прикрыть подругу ради того, чтобы помочь ей в любовном деле, - это одно. Но когда пахнет смертью, убийством - это другое...

- Вы думали, что она хочет обмануть парня, с которым встречается? Почему?

- Да потому, что я часто так делаю... Прикрываю подруг. Существует расхожее мнение, что в основном мужчины изменяют своим женам, что они все такие подлые, пользуются тем, что им все можно... Но с кем они изменяют? С женщинами, Игорь. Большинство из них - замужние. Отличие состоит в том, что мужчины изменяют грубо, часто попадают, и из-за этого происходят разводы, целые драмы или даже иногда разыгрываются настоящие трагедии! Женщины же изменяют очень осторожно, я бы даже сказала, аккуратно, по-тихому, и почти никогда не попадают...

- И вы им помогаете?

- Конечно.

- За деньги, разумеется?

– Почему бы и нет? Я и квартиру свою им предоставляю. Отдам ключи и пойду себе гулять. Или в кино отправлюсь. И мне хорошо, и им...

Он вдруг понял, что перед ним сидит само зло. И в то же время несчастная женщина, в жизни которой так и не нашлось места для мужчины. Возможно, это результат тяжелой психологической травмы, связанной с насилием в детстве... Но ему уже она была неинтересна. Деньги... Она все делала за деньги. Устраивала вечеринки и наверняка сама выступала в роли сводни. Сдавала квартиру любовникам. Обеспечивала любовникам алиби. Что ж, у каждого свой бизнес. Так, может, она и Наташу в свое время приютила за деньги?..

– Так была у вас Наташа или нет? – Шубин достал пятисотенную и протянул Мещеряковой. – Расскажите, кто был на этой вечеринке и ради кого она устраивалась?

Мещерякова, схватив деньги, деловито достала из кармана блокнот, ручку и стала что-то быстро черкать.

– Нет, ее не было, хотя все устраивалось ради нее. У нее есть парень, но она не хочет с ним встречаться. Говорит, что познакомилась с другим мужчиной, правда, женатым. Ей надо было встретиться с этим мужчиной, но так, чтобы ее парень об этом не узнал. Вот она и придумала мой день рождения. Дала мне деньги на продукты, пригласила Олю Зорину и Валентину Филимонову. Я все купила, приготовила, накрыла на стол, все пришли к семи часам, кроме нее. Она позвонила и сказала, чтобы ее не ждали, но чтобы все подтвердили, что она была. Вот и все.

– Так ведь ее и не должно было быть, раз она собиралась обеспечить себе алиби... – Шубин был окончательно сбит с толку. – Но тогда становится непонятным, зачем же она давала вам деньги на продукты? Что за бред вы несете, Катя?

– Она хотел прийти ко мне вроде бы одна, а тот мужчина, который женатый, должен был прийти с Олей.

...Шубин буквально выбежал из квартиры Мещеряковой. На улице немного пришел в себя. Позвонил Крымову:

– Слушай, старик, она сумасшедшая, эта Мещерякова. Несет какую-то ахинею... Но утверждает, что Марковой у нее двадцать третьего не было. Клянется и божится. Но я ей не верю. Она за что-то мстит ей. Но это их дела. Надо бы встретиться с Ольгой Зориной и Валентиной Филимоновой, подругами Марковой. Честное слово, старик, мы совершенно не знаем женщин, даже не представляем, что творится у них в головах... А у тебя что нового?

– Мы с твоим братом были на квартире убитого Маркова, – сказал Крымов. – Нам Корнилов ключи дал. Осмотрели все комнаты, перерыли шкафы и пришли к выводу, что это ограбление. Что его убили с целью ограбления. В квартире не осталось, по сути, ни одной ценной вещи. Вынесли даже телевизор, представляешь?! Видеомагнитофон, музыкальный центр...

– Как вы об этом узнали?

– Сосед по лестничной клетке рассказал. Он довольно часто заходил к Маркову, они дружили...

– А что он рассказал о женщине, которая проживала с Марковым?

– Что звали ее Лариса, красивая, нигде не работала, покойный ее содержал и очень любил. А поскольку она пропала, то предположил, что ее тоже убили, иначе она бы непременно объявилась... Он еще сказал, что она не из тех, кого можно заподозрить в убийстве или, тем более, ограблении... Но самое главное – это объявившийся неожиданно... покупатель.

– Какой еще покупатель?

– Ты не поверишь, но мотив убийства прост до неприличия... Оказывается, вечером двадцать третьего октября к Юлию Маркову приходил покупатель, человек, которого Марков очень хорошо знал и которому обещал в конце недели продать пианино «Petrof» за сто пятьдесят тысяч рублей. Совершенно новый инструмент. Я так понял, что через магазин. Другими словами, покупатель пришел и оставил деньги Маркову, чтобы пианино, которое должны были привезти в магазин со дня на день, досталось именно ему. Он на следующий день должен был ехать в Москву, в командировку, и по возвращении собирался забрать пианино домой, чтобы подарить дочери. Он и уехал в Москву, а когда приехал, узнал, что Марков умер. Он и рассказал о деньгах, которые оставил

покойному... Вот, собственно, и все.

- Ты выяснил, кто мог знать о том, что Маркову собирались принести деньги?

- Никто ничего не знал. Так, во всяком случае, говорит покупатель. Фамилия его Буровцев.

- Наша клиентка - девушка не бедная, раз может нам заплатить три тысячи евро. Получается, что это не она убила своего дядю. Сто пятьдесят тысяч рублей... Не вижу смысла убивать единственного родственника, чтобы, прикарманив эти деньги, затем нанять нас и раскошелиться на три тысячи евро... Полная бессмыслица.

- Значит, я зря приехал в Питер?

- Шубин, походи по музеям, повстречайся с ее подружками... Может, что и нароешь... А если нет, то возвращайся. Будем искать сожительницу убитого. Может, она что знает, если жива, конечно...

- Как дела у Земцовой? По-прежнему молчит?

- Молчит... Но это отдельная история...

- Не хочешь, не говори.

- Да нет, дело не в этом. Просто я - полный идиот. Я попался, Игорек...

- Как это?

- Я с девушкой познакомился. Тамарой зовут. Она ночевала у меня пару раз. Красивая девушка, правда, назойливая очень...

- Неужели Земцова приехала и застала тебя с ней? - усмехнулся Шубин, и сам мало веря в свое предположение.

– Хуже. Она позвонила мне, и я назвал ее Тamarой, пригласил к себе... И это среди ночи.

– Так, может, это была не она?

– Она, Игорек, она. Думаю, что вот теперь это точно конец. Я сам все испортил. У меня был шанс, я держался, крепился... Но я нормальный мужчина...

– Я воздержусь от комментариев, – сухо ответил Шубин. – Теперь уж она точно не уйдет от своего французика. Представляешь, как ты выглядел на его фоне? А я и не знал, что у тебя очередная баба...

Шубин отключил телефон, плотнее замотал шею шарфом и, поеживаясь от холодного и влажного ветра, направился в сторону автобусной остановки, чтобы потом пересесты на метро и доехать до Невского. По дороге он позвонил по телефону (список телефонов всех общих с Марковой знакомых Мещерякова написала на отдельном листке и продала Шубину за сто рублей) Ольге Зориной и назначил ей встречу возле Дома книги.

В отличие от мутной, непонятной и неприятной Мещеряковой Ольга Зорина оказалась тоненькой изящной женщиной в черной кожаной курточке, черных брюках и вязаной белой шапочке, из-под которой выбивались черные блестящие волосы.

– Мерзкая погода, – сказал Шубин, подхватывая Зорину под локоть и быстрым шагом направляясь в расположенную неподалеку от Дома книги кондитерскую. – Давайте посидим где-нибудь, согреемся... Надеюсь, у вас есть время?

– Есть, я на работе отпросилась. Вы ведь из-за Наташи решили со мной встретиться? Что там у нее стряслось? Кажется, дядя умер?

Они вошли в кафе, Зорина сняла курточку и повесила на спинку стула. Сняла шапку, тряхнула волосами и посмотрела на Шубина своими ярко-синими веселыми глазами.

– У вас такие красивые глаза, – не выдержав, сказал он. – Никогда прежде не видел таких прозрачных синих глаз... Вы что будете пить, кофе или чай?

– Чай. Любой. Главное, чтобы он был горячий.

Шубин принес чай, пирожки.

– Скажите, Ольга, вы не знаете, где была Наташа двадцать третьего октября вечером? Только прежде, чем ответить, подумайте хорошенько: вы несете ответственность за сказанное. Господина Маркова, дядю Наташи, убили. И, если Наташа попросила вас об алиби, это может означать только одно – она имеет отношение к убийству своего дяди. И тот факт, что она прилетела в Саратов двадцать пятого утром, еще ни о чем не говорит!

– Как это не говорит, если у нее на руках должен быть билет!

– Понимаете, Оля, люди ради достижения своих целей совершают еще и не такие фантастические путешествия...

– Что вы имеете в виду?

– Ваша подруга могла прилететь в Саратов по чужому паспорту, такие случаи бывали, и не раз... Убить своего дядю, после чего по этому же документу вернуться обратно. И уже двадцать пятого рано утром вылететь из Питера в Саратов по своему паспорту, так-то вот...

– Глупости! – воскликнула Зорина и чуть не уронила чашку. – Никуда она не улетала двадцать третьего, это совершенно точно. Двадцать третьего мы все: Наташа, я, Валя Филимонова и Катя Мещерякова – были вместе! У Мещеряковой на квартире.

– И что вы там делали?

– У Кати был день рождения...

– День рождения у нее в августе, – заметил Шубин.

– Да какая разница, когда у нее день рождения? Мы просто договорились, что у нее день рождения, чтобы был повод встретиться и пригласить туда кое-кого... Мужчину, короче говоря. Хотели познакомить Наташу с одним человеком. Вот, собственно, и все!

– Но тогда почему же ваша подруга Мещерякова отрицает, что Наташа была с вами?

– Да вы не обращайте внимания на нее. Она и сама-то странная, да и с Наташей у нее сложные отношения.

– Понимаете, я, может, и покажусь вам невежливым, но меня их отношения не интересуют. Я просто хотел узнать у Кати, была ли Наташа у нее в тот вечер или нет, и получил отрицательный ответ.

– Говорю же, она просто мстит ей. Представилась такая возможность, вот она и мстит.

– Но за что?

– За то, что Наташа бросила ее, ушла от нее после того, как Катя помогла ей однажды. Катя – очень одинокий человек, она постоянно одна. Нигде не работает, но всем как-то помогает... Кому-то за ребенком присмотреть или помянуть, кому-то в квартире прибраться или пироги испечь. Есть такой сорт людей, которые живут чужими жизнями, чужими интересами.

– Я слышал от нее эту историю с Наташей. Только не понял, что с ней случилось, вернее, кто ее бросил.

– Это Михаил. Он собирался жениться на Наташе, у них были прекрасные отношения, мы все знали Мишу, такой красивый молодой человек... Он был женат, но крутил и с другими женщинами, пока не выбрал себе одну девицу, ее отец – какой-то крупный чиновник здесь, в Питере, и женился на ней, представляете! Бросив законную жену и, конечно, нашу Наташу. Поначалу родители этой девушки были против их брака, но потом, когда узнали, что дочка беременна, смирились. Купили молодым и квартиру, и машину, и даже дачу на Карельском перешейке... Наташа очень тяжело переживала разрыв... Вот и получается, что от мужчин одно зло... – проронила она и посмотрела на Шубина

растерянным взглядом. – Да, для Наташи это был удар. Она позвонила мне и сказала, что хочет умереть. Мы встретились, и я стала ее уговаривать успокоиться, взять себя в руки, что она еще молодая. Знаете, в таких случаях надо разговаривать очень осторожно, подбирая каждое слово, чтобы не навредить, не спровоцировать, не напомнить... Словом, она погрузилась в глубочайшую депрессию, перестала есть... Ее было опасно оставлять одну дома. Я знала, что у нее есть дядя, с которым она переписывалась по Интернету и с которым у нее очень близкие, родственные отношения. Я так поняла, что он звал ее к себе, чтобы пережить эти мучительные дни, но она отказалась. А потом ей сделалось совсем худо...

Я хотела ее забрать к себе, но мой муж... Он не позволил. У нас двое детей, тесно... Я позвонила Кате и попросила ее помочь Наташе. Так они и познакомились. Катя приняла ее, отвела ей комнату, заботилась о ней, ухаживала...

– За деньги? – оборвал ее Шубин.

– У Наташи были деньги на лекарства, продукты... Но это нормально.

– А мне кажется, что все то время, что Наташа жила у вашей странноватой приятельницы Мещеряковой, она содержала ее. Возможно, Катя и присматривала за ней, заботилась, я вполне это допускаю, но определенную выгоду она имела. Она так устроена, эта ваша Мещерякова...

Ольга Зорина допила чай и отодвинула от себя чашку.

– Я удивляюсь, как это вы, человек посторонний, – развела она руками, – так глубоко заглянули туда, куда мы заглядывать, честно говоря, даже боялись... Катя... Неужели мы все ослепли и не замечали всего этого, ее корысти, желания поживиться за счет несчастий других людей? Да, безусловно, Наташа давала ей деньги. Предполагаю даже, что суммы были немалые.

– И за что? За то, что ей позволено было жить в этой заросшей паутиной квартире, в которой пахнет старыми вещами, грязью...

– Она спасалась от одиночества, вы поймите и ее тоже. Ну, у кого бы она могла еще жить? Кто бы ее принял? Ведь она так болела, что боялась находиться дома

одна...

- Не понимаю, почему она не поехала к дяде или почему он сам не приехал сюда?

- Она не разрешила.

- Ведь они же переписывались, кажется, по Интернету?

- Да, переписывались, но на нее это действовало не очень-то хорошо, она сама мне говорила...

- Но почему? Вероятно, вы что-то знаете...

Зорина достала пудреницу и быстрыми, привычными движениями припудрила нос и щеки. Она словно раздумывала, рассказать Шубину что-то, что могло иметь отношение к истории болезни и выздоровления своей подруги или нет.

Ольга Зорина действительно не знала, как вести себя с этим незнакомым человеком, представившимся ей сотрудником детективного агентства, занимающегося расследованием убийства дяди Наташи Марковой, своей близкой подруги. Она понимала, что Шубин приехал в Питер исключительно для того, чтобы навести справки как о самой Наташе, так и о том, есть ли у той на момент убийства алиби.

- Безусловно, у нее есть алиби, ведь двадцать третьего октября мы все собрались у Кати дома. Это были обычные посиделки подруг, собравшихся вместе, чтобы отдохнуть от своих проблем, как-то развеяться и, быть может, познакомиться с мужчинами. Время от времени Катя приглашала на такие вот «девичники» одиноких или просто желающих развеяться женатых мужчин. Вас это удивляет, я понимаю, но вы не думайте, что только вам, мужчинам, все позволено. У нас, женщин, тоже одна жизнь, и нам бывает очень грустно и одиноко. Мы – нормальные женщины, и нам так же, как и вам, необходимо разнообразие.

- Катя устраивала в своей квартире оргии? – ухмыльнулся как-то нехорошо Шубин, и Ольга вдруг поняла, что этот разговор доставляет ей даже некоторое

удовольствие, поскольку дает возможность рассказать что-то очень важное о женщинах хотя бы одному мужчине, такому вот нейтральному, как этот детектив.

- Да называйте это как хотите, хоть оргии, хоть как...

- Но если можно, расскажите мне все же поподробнее о ваших посиделках, - попросил Шубин.

- Зачем вам это? Чтобы узнать, кто же убил Наташиного дядю? Или просто для того, чтобы побольше знать о женщинах?

- Понимаете, Ольга, ваша подруга приехала в Саратов, связалась с нами и попросила нас выяснить, кто убил ее дядю. Спрашивается, зачем ей это? Если в этом поступке и кроется какая-то тайна, поскольку далеко не каждая племянница готова выложить крупную сумму за расследование убийства родственника, то разгадать ее можно, лишь поняв человека. А для того, чтобы выяснить, что представляет собой клиентка, необходимо знать, как и чем она живет, кто ее окружает, в каких отношениях она была с убитым, ведь так?

- Вот и спросили бы непосредственно у нее самой, - пожала плечами Ольга. - Наташа - человек контактный, она бы ответила вам на все вопросы...

Ей важно было знать, рассказала ли Наташа Шубину и тем людям, которых та наняла, о том, о чем уже готова была рассказать Шубину сама Ольга.

- Она и рассказала, что они с дядей были в очень хороших дружеских отношениях, что переписывались. Еще сказала, что Юлий Александрович внешне очень походил на ее отца и что он был единственным близким родственником...

- Вот вам и ответ на все ваши вопросы! - воскликнула Зорина. - Смерть Юлия потрясла ее, это же так естественно. Когда же она узнала, что его убили...

- А как вы узнали о том, что Марков умер не естественной смертью, а его убили?

- Наташа мне позвонила и сказала, что у нее есть подозрения, что его убили, что он не мог сам отравить себя и что она постарается, во-первых, убедить в этом

правоохранительные органы, чтобы они занялись расследованием убийства, во-вторых, найдет людей, которые вели бы расследование параллельно... за деньги.

- Ольга, вы что-то знаете, я вижу это по вашим глазам... Какое отношение имел сам Юлий Александрович к тому, что время от времени происходило на квартире Мещеряковой?

- Да ничего такого там не происходило! Что вы себе уже успели напридумывать?! Катя приглашала мужчин, это верно, но исключительно с целью знакомства.

- Только одна Катя устраивала эти знакомства?

- Конечно, нет. Я тоже несколько раз приглашала к нам знакомых мужчин: троюродного брата, неженатого... А в другой раз - сотрудника, женатого, но ужасно несчастного и одинокого человека. У него жена постоянно в больницах...

- А как-то раз в вашей женской компании оказался Марков? Я правильно угадал?

Ольга подумала о том, что ничего особенного не случится, если она признается в том, что Юлий действительно однажды присутствовал на одной из этих вечеринок, но ушел после нее с Наташей. Что ему так никто и не понравился: ни Валентина, ни сама Ольга, ни, тем более, Катя... Хотя Наташа приглашала своего неженатого и очень приятного, обаятельного дядю, конечно же, с целью познакомиться со своими подругами на предмет дальнейших отношений. Она надеялась, что ему понравится красавица Валя, поскольку та не замужем, да и характер у нее просто ангельский. Хотя не исключала возможности, что он выберет себе в подруги Ольгу. Но Юлий вел себя галантно со всеми, никого не выделяя...

- Да, вы угадали. Но он так никого и не выбрал.

- И когда же он был у Мещеряковой на квартире?

- Два года назад. После этого он, как рассказала нам Наташа, познакомился с женщиной, ее зовут Лариса, и что он с ней счастлив.

– А что еще вам известно об этой Ларисе?

– Со слов Наташи выходило, что она очень хороша собой, молода, ей всего тридцать два года. И что Юлий в ней просто души не чает.

– Она видела ее?

– Ну, конечно, она же ездила к Юлию... Хотя подробности мне неизвестны. Понимаете, женатый мужчина, к тому же который любит свою жену, уже не так интересен... Он – чужой.

– Надо думать, ваш муж ничего не знает о ваших вечеринках, о том, как вы развлекаетесь?

– Нет. Как и я ничего не знаю о его мальчишниках. Он же тоже время от времени ездит на рыбалку, встречается с друзьями в сауне, короче, развлекается, как может... Хотя он знает, что у меня есть подруга Катя, которую я иногда навещаю.

При упоминании о муже Ольга поймала себя на том, что, произнося вслух такие слова, как «рыбалка» или «сауна», она гонит от себя прочь возникающие тотчас в ее сознании неприятные и обидные картины, связанные с присутствием на всех этих мужских мероприятиях голых женщин, – среди рыбацких сетей или спиннингов, с войлочными банными шапочками на шальных головах... Глядя на поведение женатых мужчин, которых приглашала Катя, ей было нетрудно представить на их месте своего мужа, и всякий раз Оля убеждалась в том, что нет таких причин, за исключением любви, которые помешали бы мужчине изменить своей жене. Такие слова, как совесть, уважение или, тем более, стыд, были в этом случае неуместны.

– Я не собираюсь оправдываться, но в то же время мне бы не хотелось, чтобы вы думали, будто мы развлекаемся так же грубо, как и мужчины. Чаще всего эти вечеринки ничем не заканчиваются... Посидим за столом, поговорим, потанцуем... И редко когда сложится пара. Согласитесь, Игорь, вы так подробно расспрашивали меня о нас не столько из-за истинной причины, заставившей вас приехать сюда, сколько из любопытства. Ведь вы же мужчина, и вам интересно знать что-то новое о женщинах. Вы женаты?

– Нет, – вдруг неожиданно для себя сказал Шубин, хотя до этого момента почему-то не ощущал себя холостым, неженатым. У него еще сохранилось какое-то болезненное чувство ответственности по отношению к бывшей жене, Жене Жуковой, растившей его сына. К тому же, и это главное, он любил Земцову. А сейчас, когда он узнал, что Земцова, находясь в далеком Париже, «накрыла» Крымова с очередной любовницей, он тем более чувствовал себя чуть ли не обязанным предложить ей себя (и уже в который раз!) в качестве мужа.

– Так я и думала, – одними глазами улыбнулась Ольга Зорина и засуетилась, засобиравшись. – Вы извините, но мне пора. Телефон вам мой известен... Да, кстати, это Наташа дала вам наши координаты?..

– Отчасти, – уклончиво ответил Шубин.

– Значит, вам предстоит еще встречаться с ВалеЙ?

– Вероятно. Ольга, я почему-то уверен, что у кого-то из вас есть ключи от квартиры вашей подруги, Натальи Марковой. Ведь наверняка у нее дома есть цветы, которые надо поливать, или попугай, которого надо кормить...

– Попугая нет, но цветы я хожу поливать. Сегодня вот запланировала вечером. Но не будет ли это предательством, впускать вас в ее квартиру? Ведь Наташа же узнает об этом...

– А мы ей ничего не скажем. – И Шубин, краснея от стыда за то, что ему приходится выдавать себя за потенциального любовника, положил свою ладонь на ладонь Ольги Зориной. Она тоже покраснела, и Шубин подумал, что она подумала о том же, о чем и он. Они будут вдвоем в пустой и тихой квартире Наташи Марковой, где им никто не помешает вместе полить цветы, а заодно и просмотреть электронную переписку хозяйки с ее саратовским дядей. – Вот только пароль... У нее есть пароль? – Его вдруг бросило в жар. Он только что вспомнил, что может и не открыть электронную почту своей клиентки.

– Пароля нет. Она ведь живет одна, а потому никто, кроме нее, не пользуется компьютером. К тому же она сама говорила мне, что паролями пользуются лишь те люди, которым есть что скрывать или беречь. Может, профессиональную информацию или же любовные письма, мало ли... А ей перед кем отчитываться? Кого бояться?

– Вот и отлично... Так мы встретимся сегодня вечером? Вы проводите меня на квартиру Наташи?

– А чего ждать вечера? Меня же и так отпустили с работы... – Ольга посмотрела ему прямо в глаза, и он все понял. Такими методами ему еще не приходилось пользоваться в достижении своих целей. Она откровенно предлагала ему себя, эта питерская замужняя дама. Поначалу откровенно рассказала ему о том, как они с подружками развлекаются с помощью убогой Кати, потом дала понять, что ей ничего не стоит впустить его в квартиру своей близкой подруги и даже показать, как пользоваться ее электронной почтой. Предательство на предательстве. Абсолютная беспринципность и распушенность. И это мать двоих детей. Хотя какое ему дело до ее морального облика? Он может посмотреть переписку Марковых, а потом, сославшись на сильную головную боль, отказаться от ее интимных услуг. Поступить с ней так же беспринципно, как и она поступила со своими подружками, которых только что заложила почем зря...

Ольга же смотрела на него глазами изголодавшейся женщины и с каждой минутой желала его все сильнее и сильнее. Он был некрасив, но обаятелен. От него исходила такая мужская сила, что у нее дух захватывало. Он очень отличался от всех тех мужчин, которыми ей приходилось довольствоваться у Кати. Понятное дело, что она рассказала ему далеко не все, чем они занимались, когда встречались в этой пусть и не очень-то уютной, но уже ставшей такой родной и привычной квартире. На многое приходилось закрывать глаза. И на продавленные диваны, и на желтые от грязи ванну и унитаз, и на непромытые бокалы... Главное, что Катя стелила состоявшимся пусть и на один вечер парам чистые простыни и никогда не задавала лишних вопросов. Получала свои денежки и отправлялась их тратить в ближайший гастроном. Даже Катя не знала, что пары иногда составлялись в группу... И только Наташа никогда не принимала участия в этих групповых развлечениях, предпочитая либо уйти домой, если ей не нравился ни один из мужчин, либо уединиться со своим новым партнером в отдельной комнате.

Они вышли из кондитерской уже под ручку. Ольга, заполучив очередного, свежего любовника, находилась в возбужденном состоянии и даже подрагивала всем телом, чувствуя близость мужчины. Кроме того, она едва не жмурилась от удовольствия при мысли, что Шубин сам, своими руками откроет почту и увидит, в каких отношениях была чистенькая и незапятнанная Наташа Маркова со своим, теперь уже покойным, дядей... Главное, чтобы ее подружка сохранила

письма Юлия двухлетней давности...

Глава 4

До утра она ждать не могла. В спальне Патрика было тихо, из чего она сделала вывод, что он после разговора с Габриэль заснул. Но подслушанное не давало ей покоя. Габриэль позвонила своему кузену Патрику, вернее, тому, которого все считали ее кузенком, поздно ночью, под утро. Что толкнуло ее на это?

Возможность спокойно, без свидетелей поговорить со своим возлюбленным? Или же он сам, пользуясь тем, что жены не было дома, позвонил? Но откуда он мог знать, что Юли нет, что она уехала? Означало ли это, что он притворялся всякий раз, когда она думала, что он спит или просто не слышит, не замечает ее, а на самом деле следил за ней, собирая доказательства ее неверности для того, чтобы потом бросить ей это в лицо... Вероятно, он уже репетировал роль жертвы, обманутого мужа, вместо того чтобы самому признаться в том, что у него есть любовница.

Ее колотило. Не слишком ли много разочарований за одну ночь? Мужчины, ее мужчины, которые каждый в свое время делали ее счастливой, отвернулись от нее, обратив свой взгляд на других женщин. Кроме Мажимеля, конечно. Вот уж поистине удивил так удивил. А она даже и не подозревала, что он любит мужчин. И мужчин, и женщин. Видимо, ему все равно.

Собирать какие-то вещи, укладывать чемодан у нее просто не было сил. Она достала небольшую дорожную сумку, куда бросила лишь самое необходимое на первое время, и вызвала такси. Взяла ноутбук, уложенный в специальную сумку, понимая, что без него, без Интернета она и вовсе пропадет, будет отрезана от внешнего мира, от друзей, от мамы и дочери. Она вышла из дома заранее, чтобы таксист своим сигналом не разбудил сладко спящего Патрика. Пусть он поспит, ее законный, хотя и никогда не любимый муж. Пусть...

С дорожной сумкой и ноутбуком она вышла из дома, спустилась по лестнице вниз, к калитке и, только оказавшись совершенно одна на пустынной улице, вдохнула полной грудью свежий утренний октябрьский воздух. На Юле была подбитая мехом легкая куртка, под ней – тонкий свитер. В джинсах и удобных мягких замшевых ботинках она чувствовала себя готовой даже к далекому

путешествию. Вот только куда ехать, куда лететь или плыть – она еще не выбрала...

Единственным человеком, который простил бы ей ранний утренний звонок, был, конечно, Игорь Шубин. Она позвонила и, услышав знакомый голос, почувствовала, что может в любую минуту заплакать. Нервы были взвинчены до дрожи в теле, до тошноты.

– Алло? Игорь? Ты где?

– Юля? Что-нибудь случилось? – Голос его звучал в маленькой волшебной телефонной трубке как-то необыкновенно близко, согревая и успокаивая ее. – Ты почему замолчала? Ты здорова?

– Игорь, скажи мне, где ты. Дома? В агентстве? Главное, чтобы рядом с тобой не было Крымова.

– Его точно со мной рядом нет. Можешь быть на этот счет спокойна. Он – в Саратове, я – в Петербурге.

– Ты в Питере? Отлично. Я ушла от Патрика. Все подробности, как говорится, при встрече. Можно я приеду к тебе? Точнее, прилечу?

– Ты еще спрашиваешь? Конечно! Записывай адрес на всякий случай, но будет лучше, если ты позвонишь мне из аэропорта и скажешь, каким рейсом летишь. И я встречу тебя.

– Говори адрес, я записываю...

В такси ей стало плохо. Она на какое-то время потеряла сознание. Пришла в себя, когда водитель с перепуганным лицом тормозил ее и спрашивал, не позвать ли ей врача. Они были уже в аэропорту. Она замотала головой. Нет, ей не надо никакого врача. Ей нужен билет до Петербурга. Заплатив таксисту двойную цену, она попросила его проводить ее к кассе. Объяснила, что ей срочно нужно лететь в Россию, что она беременна, поэтому у нее такой нездоровый вид. Оказалось, что ближайший рейс в Петербург через три часа. Юля с водителем купили билет, затем позавтракали в кафе, после чего она

отпустила его, поблагодарив и дав ему еще денег. Время до регистрации она провела, пролистывая взрослые комиксы и разгадывая оказавшиеся случайно в кармане ее дорожной сумки русские кроссворды. Из аэропорта она дважды позвонила Шубину, спросила, что он делает в Питере, а узнав, была несколько удивлена тем, что Шубина чуть не изнасиловали в квартире его клиентки.

- Ты приезжай, я тебе такое расскажу, - интриговал он ее, разговаривая с ней веселым голосом, она ужасно радовалась тому, что они скоро встретятся. - Не знаю, что произошло у тебя с Патриком, скорее всего ты просто вспылила, но я ему очень благодарен за то, что ты уже через несколько часов будешь здесь, со мной...

Он почему-то ни слова не сказал о Крымове, из чего Земцова сделала вывод, что Крымов уже поделился с Шубиным своей последней, связанной со своей личной жизнью новостью. Значит, он знает о существовании новой любовницы Крымова. Хотя почему бы ему и не завести кого-нибудь, раз Земцова бросила его в очередной раз? Ведь не поверила же она ему, его клятвам верности, уехала к Патрику... Если бы не уехала, может, они были бы вместе?

- Игорь, прошу тебя, не звони Крымову, не говори, что я лечу к тебе, хорошо? Не хочу его видеть. Меня все предали... И Патрик, и Мажимель, и Крымов... Видимо, мне нельзя заводить себе долгосрочных любовников или мужей. Мужчины, как визы. Бывают долгосрочные или туристические. У меня почему-то все туристические, на месяц в лучшем случае... Да и очень дорого они мне обходятся.

- Не плачь. Бог с ними... А кто такой Мажимель?

- Игорь, не бери в голову... Я назвала тебе номер рейса?

- Да.

- Вот и жди меня. Скоро встретимся, и я все расскажу тебе.

- Да, чувствуется, нам есть о чем поговорить... Хорошо, до встречи. Целую тебя, Юлечка.

Она вздрогнула. Она не помнила, чтобы ее кто-то называл Юлечкой.

В самолете она вспомнила Крымова, его флирт с девушкой, которую убили на Ивовом острове. Да уж, в самолете время тянется долго, и уж если рядом с тобой оказалась девушка, то почему бы не приударить за ней, не заморочить ей голову, чтобы время пролетело незаметно?

– Вы будете что-нибудь пить? – услышала она рядом с собой французскую речь и повернула голову. Мужчина смотрел на нее пристальным взглядом, как если бы хотел прочесть ее мысли. По левую сторону от него стояла стюардесса и предлагала напитки.

– Да, апельсиновый сок.

Мужчина, сидевший рядом с Юлей, отлично говорил по-французски. Француз? Или русский, долгое время проживший там? Еще один Крымов. Бледное лицо, впалые щеки, серые глаза и темные, с проседью волосы. Черный толстый свитер с белоснежной полоской выглядывающего из-под него воротника сорочки. Красивые кисти рук, скрещенные на животе. Девушка передала через него пластиковый стаканчик с соком.

– Узнайте, есть ли у них яблоки? – спросила Юля по-русски.

– Я плохо говорю по-русски, – ответил он на французском. – Что вы сказали?

Юля, обращаясь к стюардессе, спросила ее про яблоки. Ей ответили, что есть только апельсины.

– Тогда один апельсин. И ножичек, чтобы почистить.

Ей принесли апельсин, ножик, и она в присутствии стюардессы очистила его от кожуры. Все пальцы были в оранжевом и душистом соке. Девушка предупредительно протянула ей бумажную салфетку. Мужчина, отделявший Земцову от стюардессы, даже не пошевелился. По всей видимости, его раздражала вся эта возня с апельсином. Девушка ушла, Юля съела апельсин, достала из кармана джинсов носовой платок и тщательно вытерла пальцы.

– Знаете, я хотела бы, чтобы мой муж был таким же невозмутимым и неразговорчивым, как вы, – сказала она по-русски, даже не поворачивая головы к молчаливому соседу и надеясь на то, что ее все равно не поймут. – Но он, к несчастью, очень общительный. На вашем месте он бы раздобыл для меня килограмм апельсинов и собственноручно очистил их и скормил мне, а потом сказал бы, что влюбился в меня с первого взгляда. Представляете? И женщины верят ему. Все, кроме меня. Знаете, это даже хорошо, что вы не понимаете меня, а то бы я вам рассказала, как я теперь намереваюсь жить. Как мужчина. Сама буду выбирать, с кем мне быть, не стану ждать, когда ко мне подойдут и предложат себя. Вот если бы вы были в моем вкусе, я бы сказала вам, что у вас очень красивые серые глаза, что я просто не могу оторвать взгляда от ваших рук, они такие белые, пальцы длинные и, чувствуется, сильные... Зачем вы летите в Петербург? По делам? Вы бизнесмен?..

Она по-прежнему не смотрела на него. У нее начиналась истерика. Мужчина повернулся к ней и предложил виски.

– Да, да, я бы сейчас выпила.

Мужчина достал из небольшого черного кейса фляжку. Протянул ей.

– Вы плохо говорите по-французски, – сказал он. – Вам дать шоколад, чтобы заесть?

Юля отхлебнула виски и зажмурилась. Ей показалось, что она обожгла не только рот, глотку, но и все внутренности. Это нервы, подумала она.

– Да, давайте ваш шоколад. Что вы сказали о моем французском? К сожалению, вы правы... Я же не француженка.

– Я уже понял, что вы русская. Вам никто не говорил, что вы очень красивая женщина?

– Постоянно говорят. Я коллекционирую комплименты. Ваша фамилия, случайно, не Крымов?

– Нет, а что, я вам кого-то напоминаю?

– Нет-нет, что вы, я пошутила. Знаете, я бы еще немного выпила. У меня ранняя стадия алкоголизма... Я начинаю с виски, затем плавно перехожу к водке, а потом скатываюсь к жидкости для компрессов...

– Я вижу, что вам плохо. Вас как зовут? – Он все-таки повернулся к ней, этот чопорный француз. Взглянул на нее своими серыми глазами.

– Эсмеральда, – икнула она и снова отпила из фляжки.

– Редкое имя. Очень красивое и идет вам.

– А вас? – Шоколад хрустнул в ее непослушных и словно ватных пальцах.

– Ги. – Он взял из ее рук фляжку и тоже отхлебнул. – Виски – дрянь. Но после него не болит голова.

– А что это вы так разговорились? Ведь еще недавно молчали и даже не обращали на меня совершенно никакого внимания.

– Я не заметил вас.

– У меня бывший муж – такой же вот, как и вы. Пристает к женщинам в самолетах, поездах, повсюду... Я бросила его.

Он пожал плечами. Затем откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

– Извините, что я сказала вам это. Конечно, вам не до меня. Считайте, что мы и не познакомились, и виски вместе не пили, и вы не представлялись мне... Вас зовут Ги. У меня сильно кружится голова. Главное – долететь...

Она закрыла глаза. По щекам катились слезы. Пьяные, позорные слезы. Этот француз еще примет ее за алкоголичку...

Но Ги неожиданно для нее повернулся к ней вполборота, взял ее руку и поцеловал. Она не открыла глаз. Ей было приятно это прикосновение. Она подумала о том, что такие вот мужчины просто созданы для того, чтобы летать в самолетах, ездить в поездах, чтобы превращать время в удовольствие... Только

непонятно было, как она сама могла за один день превратиться в одну из тех банальных любительниц романтических приключений в воздухе, вроде той несчастной девушки, которую пытался соблазнить Крымов в самолете и которая так грустно закончила свои дни... Кажется, ее звали Вероника.

- Не могу не целовать вас, Эсмеральда, - говорил ей Ги, лаская и дальше руку, целуя каждый пальчик.

...Она открыла глаза. К ней кто-то обращался на русском языке. Просили пристегнуть ремни, приближалась посадка. Она медленно повернула голову и посмотрела на сидящего рядом с ней мужчину. Он даже не взглянул на нее. Тогда она поднесла свои пальцы к лицу и понюхала. После того, как она чистила ножом апельсин, они должны были сильно пахнуть душистыми эфирными маслами. Но нет. Она облизнула губы. Ни привкуса виски, ни шоколада. Очень хотелось пить. Неужели разговор с этим красивым господином ей только приснился?

Она выпрямилась в кресле, поправила свитер, достала зеркальце и взглянула на себя. Как ни странно, но полет пошел ей на пользу. Щеки ее порозовели, глаза заблестели. Она выглядела здоровой и отдохнувшей. Ей было жаль, что сосед никогда не угощал ее ни виски, ни шоколадом, ни знакомился с ней...

А как хотелось снова взглянуть на него! Она медленно повернулась к нему и почувствовала, как под левой грудью кольнуло. И дыхание замерло, словно остановилось, чтобы не мешать ей любоваться великолепным профилем этого человека. Интересно, как же его зовут и зачем он едет в Россию?

Дорожная сумка, которую она взяла с собой в салон самолета, оказалась раскрытой. Из нее торчал свернутый журнал с русскими кроссвордами, виден был белый пластиковый стаканчик и уголок паспорта. И от этой скромной сумки повеяло вдруг не свежим ветром путешествий и чудесных перемещений в пространстве, а какой-то безысходностью, сиротливостью, заброшенностью, холодом, наконец... И куда она летела? Что ей делать в Питере? Расследовать убийство какого-то продавца из музыкального магазина? Да как можно заниматься таким серьезным делом, когда на душе кошки скребут, когда выть хочется от сознания того, что у тебя нет никого, кто принял бы тебя, пожалел, обнял, поцеловал... Разве что мама? Но у нее своя жизнь, и она уже давно

отдалилась от дочери, направив все свои душевные силы на нового мужа и, конечно же, на единственную внучку. Шубин? Игорь, да, он ее самый близкий и верный друг, но она сама виновата в том, что они никогда уже не смогут быть вместе. Она предала его, бросила, ушла к другому мужчине, которого, как ей казалось, любила... А ведь если бы она любила Шубина, который все эти годы просто обожал ее, они могли бы быть счастливы.

Она наклонилась и резким движением застегнула молнию на сумке. Надо забыть все то, что может вызывать беспокойство, боль и особенно чувство вины. Хотя, безусловно, она виновата и перед Шубиным, и перед Патриком, которому изменяла с Мажимелем, и даже перед Мажимелем, которого всегда воспринимала лишь как любовника, никогда не задавая себе вопрос, любит ли она его, и перед Крымовым... Подумала так и усмехнулась, покачала головой. Да она с ума сошла! Это перед кем она виновата? Перед мужчинами? Перед Патриком, который все это время любил, оказывается, другую женщину. Или перед Крымовым?..

Щеки горели, сердце в груди колотилось так, что и его было бы неплохо пристегнуть, как она пристегнула себя, готовясь к посадке... Сидящий по левую руку от нее мужчина тяжело вздохнул. Вероятно, вспомнил что-то свое. Ну надо же, увидеть во сне его улыбку, с которой он предлагал ей виски...

Самолет снижался, она смотрела в окно на раскинувшиеся под ногами серые дома и дороги и думала о том, что в Питере наверняка идет дождь...

...В аэропорту ее встретил Игорь. Он подхватил ее, такую уставшую, обмякшую и безвольную, и поцеловал.

– Привет, Земцова, как дела? – Он не хотел ее отпускать и прижимал к себе все сильнее и сильнее. Ему все еще не верилось, что он видит ее, чувствует ее податливое, хрупкое тело.

– Лучше всех, – сказала она и вдруг разрыдалась у него на плече. – Игорь, они все меня бросили: и Патрик, и Мажимель, и Крымов... Бросили, предали, променяли меня на других женщин и даже мужчин. У Патрика есть Габриэль, у Мажимеля – какой-то парень, а про Крымова я вообще не хочу говорить, он снова стал прежним Крымовым, которого только могила исправит... Мне так плохо, так

плохо...

- Ты, случаем, не напилась в самолете? - Он нежно поцеловал ее в мокрую щеку. - Тебя ноги почему-то не держат...

- Это нервы, - отмахнулась она. - Нервы. Куда мы сейчас поедем?

- На квартиру нашей клиентки, Марковой. Она в курсе, что я остановился у нее, и ничего не имеет против. Хотя у нее не было выбора.

- В смысле?

- Думаю, ей не понравилось, что я отправился в Питер, чтобы расспросить ее подруг о том, где она была в день убийства дяди.

- И где она была?

- Я думаю, что тебе сейчас не до этого. Поедем, сначала ты успокоишься, примешь горячий душ, отдохнешь, может, поспишь, потом мы где-нибудь пообедаем, и я расскажу тебе об этом деле...

На такси они отправились на Авиамоторную, где находилась квартира Марковой. Юля смотрела в окно, и ей не верилось, что она уже не в Париже, а в Питере и что рядом с ней сидит, взяв ее ладонь в свою, Игорь Шубин.

Игорь же, в свою очередь, так крепко вцепился в нее, как если бы не верил до конца в реальность происходящего. Ведь теперь Юля была с ним, и ни одна душа во всем мире не знала, что она в Питере. Ни Патрик, который, как оказалось, обманывал ее, крутил любовь с так называемой кузиной. Ни Крымов, который, забыв все клятвы, которые он давал Земцовой, вернулся к своему обычному, заполненному случайными связями образу жизни. Ни какой-то там бисексуал Мажимель, променявший красивую молодую женщину на мужика. И он, Шубин, должен помочь ей успокоиться, чтобы она нашла в себе силы продолжать жить как ни в чем не бывало. Он понимал, что она никогда не полюбит его и что будет до конца своих дней относиться к нему лишь как к другу, но даже такая роль казалась ему сейчас великим счастьем. Кроме того,

приезд Земцовой спасал его от посягательства на него Ольги Зориной, женщины, на его взгляд, изголодавшейся по мужчине, а оттого потерявшей в какой-то мере стыд и приличия. Он не мог, не краснея, вспоминать, что произошло в квартире Марковой, едва они переступили порог. Она просто-таки набросилась на него и принялась раздевать. Видимо, она изначально неправильно истолковала желание Шубина посетить квартиру своей клиентки. Впервые в жизни он наблюдал столь откровенное поведение женщины, а потому не успел даже разозлиться, только растерялся и попытался привести ее в чувство.

...К счастью, квартира Наташи Марковой оказалась вполне современной и чистой. Три комнаты, одна из которых представляла собой мастерскую, заваленную коробками с готовой вышивкой, нитками, тканями... В ней же на стенах были развешаны декоративные вышитые панно, напоминавшие старинные французские гобелены. Просторная гостиная с двумя диванами и телевизором. И спальня. В ванной комнате все сверкало, так и хотелось принять душ или даже полежать, понежиться в ванне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/danilova_anna/svergnutaya-s-nebes

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)